

Балашова Елена Анатольевна

ЭПИЧЕСКОЕ, ЛИРИЧЕСКОЕ И ДРАМАТИЧЕСКОЕ В СТИХОТВОРНОЙ ИДИЛЛИИ XX ВЕКА

Эпос, лирика, драма представлены своим набором жанров. Идиллия не является жанром, четко фиксирующим то или иное родовое начало. В статье приводятся примеры современных идиллий, направленных на эпизацию (организующим началом является не чувство наблюдающего, а событие и рассказывание об этом событии) и драматизацию лирики (стихотворные диалоги, восходящие к античным эклогам).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

Эпос, лирика, драма представлены своим набором жанров. Идиллия не является жанром, четко фиксирующим то или иное родовое начало. В статье приводятся примеры современных идиллий, направленных на эпизацию (организуя началом является не чувство наблюдающего, а событие и рассказывание об этом событии) и драматизацию лирики (стихотворные диалоги, восходящие к античным эклогам).

Ключевые слова и фразы: современная поэзия; стихотворная идиллия; жанрообразующие факторы; эпос; лирика; драма; род литературный.

Балашова Елена Анатольевна, к. филол. н., доцент
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
e-balashova@rambler.ru

**ЭПИЧЕСКОЕ, ЛИРИЧЕСКОЕ И ДРАМАТИЧЕСКОЕ
В СТИХОТВОРНОЙ ИДИЛЛИИ XX ВЕКА©**

Традиция, восходящая к Платону и Аристотелю, позволяет соотносить род литературы с типом речевой организации произведения. Как известно, подражать природе можно тремя способами: во-первых, рассказывая о событии как о чем-то отдельном от себя (эпос), или же так, что подражающий остается сам собою, не изменяя своего лица (лирика), или представляя всех изображенных лиц как действующих (драма). В основе такого деления три важнейших функции слова: сообщение о чем-либо (эпос), выражение чего-либо (лирика), общение, апелляция говорящего к кому-либо (драма). Обычно один из трех родов представлен своим набором жанров. Исключение только у идиллии. Неудачными оказываются попытки определения ее родового статуса (вспомним, что еще со времен Феокрита не было чистой лирики). В качестве предмета своего исследования мы выбрали идиллию стихотворную, однако, наряду с примерами «чистых» лирических текстов, есть такие, которые реализуют повествовательное (т.е. эпическое) начало. Заметно реже, но встречаются примеры и с драматическим диалогом. Таким образом, идиллия «как собственно лирический жанр никогда (по крайней мере в русской поэзии) не доминировала» [23, с. 433]. При этом никакой из родов литературы в идиллии не является доминантным. Г. Маркевич писал, что «жанровое название всегда говорит о родовой принадлежности (за немногочисленными исключениями, как, например, "идиллия")» [13, с. 189]. Если и были известны идиллии, созданные на стыке двух родов, и мы – в отношении отдельно взятого произведения – употребляли определения «лиро-эпические» или «лирико-драматические» произведения¹ (то есть говорили о *междуродовом* статусе), то в отношении идиллии как жанра в целом стоит говорить, на наш взгляд, о принципиально полиморфной² – «*всеродовой*» – природе.

В приведенном отрывке из стихотворения А. Кушнера на первом плане эмоциональные размышления, ощущения:

Я и начал с того, что живу на даче,
Дорожа каждым днем, как последним в жизни,
Шелестеньем листочка, лучом горячим,
Золотящим еловые корни, мысли,
Упрощая решение той задачи,
За которую в молодости взялись мы...
Я, единственный, может быть, из живущих
И когда-либо живших, с умнейшим спорю
И насчет суеты, и насчет бегущих дней [12, с. 78]...

Если и угадывается какой-то событийный ряд, то весьма скупо, без детализации. Лирическое переживание предстает как принадлежащее говорящему. Оно не столько обозначается, сколько выражается [26, с. 309]. Среди идиллических текстов немало примеров чисто лирических стихотворений: «Девочке-душеньке» М. А. Кузмина [10, с. 352], «В утренней деревеньке...» Ю. П. Кузнецова [11, с. 111], «Опять в руках пастуший посох...» В. Михалева [17, с. 289], «Одуванчики» Д. Мережковского [14, с. 39], «Чудесное посещение» П. Орешина [17, с. 131], «На реке» Е. Русакова [19, с. 18], «Пахнут руки легкою ромашкой...» Н. Майорова [21, с. 279] и др.

© Балашова Е. А., 2013

¹ Так, еще в отношении идиллий Дельвига мы употребляли подобные термины. Одни из его идиллий обнаруживают тяготение поэта к драматическим формам. Не случайно «Конец Золотого века» открывается «собственно драматическим диалогом двух персонажей – Путешественника с Пастухом (сменяющимся затем развернутым монологом последнего), а, например, «Дамон» отличается динамичным реплицированием героев (Дамона и Хлои)» [6, с. 112].

² Термин «полиморфность» по отношению к идиллии употребил М. Андреев: «...форма доренессансной буколки (от идиллий Феокрита и эклог Вергилия до средневековой пастурелы) отмечена своеобразной жанровой полиморфностью: в ней присутствуют эпические, лирические и драматические элементы» [1, с. 103].

Лирика отнюдь не замыкается в сфере внутренней жизни людей. Ее привлекает и внешняя реальность. Лирика может запечатлевать чувства (как в вышеназванных примерах), но может перечислять неизменные, стабильные приметы природы, описывать быт. См. стихотворение А. Платонова «Ночь»:

Огонек рыбака в заводине глухой
В уголках своих греет картошки,
И сидит человек над пустынной рекой,
Позабывшись под пение мошки...
Пар с реки по лугам поволокся травой,
Покатился в овраги туманом-волной [16, с. 474].

В других стихотворениях организующим началом является не чувство наблюдающего, а событие и рассказывание об этом событии (между ними всегда есть дистанция¹), часто с детальным, пристрастным перечислением пришедших гостей (каждого со своей судьбой), нужных дел, забот, порой с фантазированием, как какое-то событие могло бы развернуться во времени, и т.д. Подобное способствует эпизодичности лирики. Нередко «повествователь» становится свидетелем каких-либо событий: «Добрый колдун» М. Цветаевой [27, с. 84], «Избятные песни» Н. Клюева [7, с. 73], его же «Успокоение» [Там же, с. 137-138], «Лесник» П. Комарова [8, с. 31-32], «Лесной дом» Б. Корнилова [9, с. 20-21], «У леса голубого на опушке...» С. Орлова [15, с. 133-134] и др.

Многочисленны примеры современной идиллии (их большинство, по нашим наблюдениям), где для повествоющего характерна позиция человека, вспоминающего об уже свершившемся событии. Как правило, глаголы используются здесь в прошедшем времени. В стихотворении «Хозяин старинного дома» «повествователь» восстанавливает картину одного из типичных дней главного героя:

Старинного дома неспешны дела,
Но много работы на дню.
Соседка в слезах на минутку зашла
И долго ругала родню.
Заехал шофер прикорнуть на часок:
Он мяса и сыра привез.
Горячего чая прекрасен глоток,
Табак пробирает до слез.
Здесь денно и ночью какой-нибудь гость,
А гостю – почет и еда.
Звонит монотонно домашняя ось –
Ах, если бы это всегда!
Хозяин немного вчера приболел,
Сегодня проснулся он в шесть.
Весеннее утро и тысяча дел –
Ему ни прилечь, ни присесть [5, с. 25-26]...

Для таких текстов важна фигура «повествователя», посредника между читателем и изображенным миром. В приведенном примере специально оговорено, что «хозяин старинного дома» – друг «повествователя». В других текстах говорящий если и не дружит с героем, то имеет с ним продолжительные беседы, сопоставляет события своей жизни с его: см. «Зима, старик и негры» Н. Грибачева [4, с. 153-156], «У лесника» А. Тарковского [24, с. 157], «Я к нему приходил частенько...» Ф. Чуева [28, с. 273-274], «Дом в лесу» В. Тушновой [25, с. 138]. Иногда эти разговоры этического характера приобретали метафизический оттенок, и герой в качестве собеседника мог иметь музу, как у А. Галича в стихотворении «Разговор с музой» [3, с. 141].

Основное содержание тех идиллий, которые обладают отчетливо выраженным драматическим началом, – цепь высказываний персонажей. Стихотворный диалог обладает устойчивой жанровой памятью, восходящей к античным буколкам. Вот почему Д. Самойлов, реконструируя идиллию, обращается в своем произведении именно к этой форме. В стихотворении «Учитель и ученик. Идиллия» перед нами композиционное оформление текста в виде обмена репликами двух персонажей. Перед нами поэтический манифест, написанный в виде спора между несколькими носителями разных эстетических и этических программ:

Ученик
Сказать по правде,
Порой изрядно нам надоедают
Все ваши ветхие воспоминанья.
Чем хвалишься?
Учитель
Добротой.
Ведь, если мне ученика не жалко,
Какой же я учитель!

¹ Следует различать «событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания» [2, с. 403].

Ученик
 О, все в жалейку дуешь ты!
 Учитель
 А смысл легенды, может, только в том,
 Что прежде, чем успел пропеть петух...
 Сам знаешь...
 Ученик (махнув рукой)
 Ассоциации, культурный слой...
 А я желаю быть самим собой!
 Учитель
 Опыт ты добудешь сам.
 Но ежели, вперед спиною пятась,
 Упрешься в стену, вспомни обо мне...
 Кто знал войну, тот знает цену крови
 И знает цену листьям в каждой кроне.
 А листья – мы с тобою.
 Ученик
 Я не ценю красивых аллегорий.
 Но если так, важны не листья – корни.
 И дело в корне, если хочешь знать [20, с. 25-30].

Данный жанр представляет интерес как пограничное явление между лирикой и драмой. Принципиальная «переходность» стихотворного диалога «превращает его в экспериментальную творческую лабораторию, позволяющую осваивать чужеродные для «чистой» лирики поэтические принципы, такие как разноречие, прозаизация сюжета» [18, с. 58]. Данный диалог в своей основе имеет эклогу, пение-спор двух пастухов. Эклога содержала потенциальную возможность сопоставления часто контрастных поэтических манер внутри единого художественного целого. Для лирической поэзии с ее принципиальным «однорычием» эта возможность была по-своему уникальной.

Буколическая традиция предполагала в подобных спорах равенство позиций и, что более важно, равенство языка. Ни один из участников словесного состязания не выбирал для себя манеру говорения, она дана ему в готовом виде «за пределами текста» [Там же, с. 59].

Возможно, в стихотворении Ф. Сологуба с представленным диалогом сеньора и пастушки есть некое подобие игры с языковым материалом. Несмотря на то, что говорят герои на одном языке, пастушку выделяет одна повторяющаяся конструкция: «С позволенья вашей чести...». В ней – отзвук гордости, хотя при этом и понимания своего места, но и – языкового кокетства. Можно предположить, что Ф. Сологуб эстетически разыгрывает выбор языка, по крайней мере одного из участников диалога:

...А сеньор подходит близко
 И пастушке говорит:
 «Вижу я, стоит здесь лодка.
 Ты умеешь ли гребсти?
 Можешь в лодочке, красotka,
 Ты меня перевезти?» –
 «С позволенья вашей чести,
 Я гребсти обучена».
 И в ладью садятся вместе,
 Он к рулю, к веслу она.
 «С позволенья вашей чести,
 Я осмелюсь спросить,
 Мы причалим в этом месте,
 Или дальше надо плыть?» –
 «Погулять с тобой приятно,
 Но уж вижу, – ты верна,
 Так вези ж меня обратно,
 Ты, Коленова жена».
 И, прощаяся, лобзает
 Лизу прямо в губы он
 И, смеясь, опускает
 За ее корсаж дублон [22, с. 182-184].

Действие в следующем примере (в данном случае обозначение позиций матери и дочери) стихотворения Ф. Сологуба из цикла «Свирель» разворачивается на наших глазах. «Жизнь говорит как бы от своего собственного лица: между тем, что изображается, и читателем нет посредника—вестователя» [26, с. 304].

В данном случае диалог между близкими людьми может восприниматься не столько как спор, сколько как шутивая перебранка:

«Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит, – ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.
Умных девушек не тронет,
Далеко их обойдёт,
Только глухих в сети гонит
И к гибели влечёт».
Лиза к матери прижалась,
Слёзы в три ручья лия,
И, краснея, ей призналась:
«Мама, мама, дура я!
Утром в роще повстречала
Я крылатого стрелка
И в испуге побежала
От него, как лань легка» [22, с. 159].

Родовую природу идиллии будет уточнять также и субъектная организация текста, однако это уже предмет другого разговора.

Список литературы

1. Андреев М. У истоков драмы: драматическая пастораль // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 2006. 690 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Наука, 1975. 497 с.
3. Галич А. А. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2006. 512 с.
4. Грибачёв Н. М. Секунды, дни, годы. М.: Сов. писатель, 1982. 402 с.
5. Калугин И. А. Стихотворения. М.: Прометей, 1990. 275 с.
6. Каргашин И. А. Стихотворный сказ. Калуга: КГПУ, 2005. 158 с.
7. Клюев Н. А. Песнослов. Петрозаводск: Карелия, 1990. 240 с.
8. Комаров П. С. Лирика. М.: Сов. Россия, 1968. 332 с.
9. Корнилов Б. П. Продолжение жизни. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит., 1972. 314 с.
10. Кузмин М. А. Стихотворения. СПб.: Худ. лит., 2000. 487 с.
11. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 10-ти т. М.: Литературная Россия, 2011. Т. 1. 460 с.
12. Кушнер А. С. В новом веке. М.: Прогресс-плекса, 2006. 335 с.
13. Маркевич Г. Литературные роды и жанры // Маркевич Г. Основные проблемы науки о литературе. М.: Прогресс, 1980. 240 с.
14. «Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии: в 4-х т. М.: Моск. рабочий, 1995. Кн. 1. Первая и вторая волна. 1920-1990 гг. 494 с.
15. Орлов С. С. Лирика. М.: Сов. Россия, 1982. 299 с.
16. Платонов А. П. Усомнившийся Макар: рассказы 1920-х годов. Стихотворения. М.: Время, 2009. 485 с.
17. Поэзия российских деревень. М.: Сов. Россия, 1982. 470 с.
18. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008. 686 с.
19. Русаков Е. Е. «Живу я в маленькой деревне...». Л.: Лениздат, 1979. 218 с.
20. Самойлов Д. С. Залив. Стихи. М.: ЭКСМО-Пресс, 1981. 230 с.
21. Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне: стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2005. 540 с.
22. Сологуб Ф. Собр. соч.: в 6-ти т. М.: Худ. лит., 2003. Т. 7-8 (доп.). 376 с.
23. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: в 2-х т. М.: РГГУ, 2004. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 435 с.
24. Тарковский А. А. Вот и лето прошло. М.: Моск. рабочий, 2005. 217 с.
25. Тушнова В. М. Избранное. М.: Худ. лит., 1988. 285 с.
26. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Наука, 2004. 423 с.
27. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: в 3-х т. М.: ПТО Центр, 1990. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1910-1920. 622 с.
28. Чуев Ф. И. Правое дело. М.: Сов. писатель, 1980. 276 с.

EPICS, LYRICS AND DRAMATICS IN POETIC IDYLL OF THE XXTH CENTURY

Balashova Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
e-balashova@rambler.ru

Epos, lyric poetry, and drama are presented with their own set of genres. Idyll is not a genre that clearly fixes a particular ancestral origin. This article provides the examples of modern idylls aimed at the epization (organizing principle is not a sense of the observer, but the event and the narration of the event) and the dramatization of lyrics (poetic dialogues, dating back to the ancient eclogues).

Key words and phrases: modern poetry; poetic idyll; genre-making factors; epos; lyric poetry; drama; literary kind.